

-Т

орпэда!!! — хвастливо-восторженно прорычал Шеф, заклинив в медвежьих лапах баранку бежевой «тройки» и притопив до полика «железку» своей слоновьей тумбой. Штангист в молодости, он и ходил — будто свай забивал.

— Настоящий мужчина начинается после ста килограмм! — любил повторять Шеф, и от той малой дозы, что принял он, едва вырулив с трассы на проселок, его красивые карие глаза потомка сумских чумаков только веселее заблестели.

По ухабистому проселку «торпэда» понеслась так же быстро, как и по асфальту, однако далеко не так плавно. Однако наш штатный виночерпий по кличке Чарнота на заднем сиденье сам приложился к горлышку и другим передал чашу жгучей, но драгоценной влаги, не расплескав ни капли. А остальные с удовольствием, ловкостью и проворством промочили луженые глотки и захрустели «чем бог послал».

— Ммм... где же этот ммм... пр...уд-то? Долго еще?.. А то у меня бензина в обрез! — промычал Шеф сквозь зубы, тыкая в сигарету прикуривателем и косясь одним глазом на дорогу, другим — на Мандровича. — Как он, говоришь, называется? «Скотный яр»?

— «Скотный двор», Владиваныч!.. Зарыбленный пруд — для «особо приближенных» к

императору!.. Или как сторуку... Сторож прикормлен — сильно «ханку», паразит, любит!.. Дорога рядом — это Шурик знает!

Шура, по прозвищу «Журавель» — из «бывших», как он сам себя любил рекомендовать, изгнанный в свое время из Красной Армии за проступки, несовместимые с высоким званием.., в данный момент числился ни много ни мало, «испытателем БАБ» (Бюро Анализа Брака), во всяком случае, он был постоянным и действительным членом нашей «группы захвата» и мно-ого чего знал. Многообещающе и бодро-весело он процедил сквозь зубы:

— Там карпы, Владим Иванович, сами на берег выпрыгивают!

— Жареные! — уточнил я, а Шура продолжал в запале, не замечая моего ехидства:

— Сазаны в воде коров доят!

— Телок! — подыграл Мандрович.

— Ну, по «телкам» вы у меня все спецы! — поворачиваясь всем корпусом и страшно вращая белками, прорычал Шеф. — В отделе пройти нельзя — каждая собака глаза колет! Еще раз услышу об этой вашей кобелиной работе — пощады не будет!

— А мы — чо? Мы — ничо, Владиваныч! Мы чо, виноваты? КЗоТом не запрещено!.. — отпирался за всех Мандрович, показывая Журавлю кулак за спиной.

— А вот поотрываю, а потом буду разбираться, кто виноват и что делать!.. Я тут... ло энд ордер, закон и порядок; и прокурор, и батюшка! — безапелляционно заявил Шеф, заодно похвалившись знанием английского. — И тебе — первому! — сверкнул он белками на Мандровича. — Ты, Сусанин, лучшее за дорогой смотри! Заплутаем, бензин кончится — уволю! Без отработки и выходного пособия!

— А если нормально доедем, Владиваныч? Чо нам за это будет?

— Прогрессивки не лишу! — И его раскрасневшаяся, «шире газеты», рожа расплылась в довольной ухмылке.

— Бензин кончится — керосином заправимся! — попытался было сострить я, постукивая по сумке с бутылками — и ткнулся носом в широкую спину Шефа: так резко встала «тройка»!

— Верно мыслишь иногда! Наливай!

Чарнота как ждал: махом разделил! Рука набита, осталось только морду набить: Шефу — побольше, нам — поменьше; ну а себе в бутылке опять больше всех оставил!

— Ну, поехали! — спокойно скомандовал Шеф. — Веди, Сусанин!

Мандрович и впрямь был ведущим инженером нашей группы и правой рукой Шефа.левой, производственной, был Чарнота, а Мандрович... Благодаря уникальному набору весьма полезных качеств, он был незаменим, как, впрочем, и все остальные в группе — но у него было одно достоинство, а может, недостаток — помешался на рыбалке!.. Он был готов ловить кого угодно, где угодно и как угодно — включая даже сотрудниц на рабочем месте и в рабочее время... Ну, и перманентно кормил нас обещаниями типа завалить отдел таранкой собственного засола, которую, естественно, никто так никогда и не увидел.

Справедливости ради надо заметить, что в нашем СКТБ если не каждый первый из мужиков, то уж точно каждый второй был рыбаком. В лабораториях вечно что-то пилили, точили, паяли, красили — какие-то мормышки, каркалыжки, чертики, поплавки и тому подобную дребедень; демонстрируя, а потом и обсуждая все это в курилках...

Ах, наши курилки! Вы думаете небось, что инженеры нашей страны росли и мужали в цехах и отделах предприятий? Щас! В курилках! Только понатолкавшись в них, понадышавшись их «ароматами», да понаслушавшись нескончаемого «словесного поноса», начинаешь понимать, что СКТБ — это все же научная база производства, а не какая-то там «СКоТоБаза»!

Я-то был, пожалуй, единственным охотником в этом «обществе буйно и тихо помешанных» рыбаков, и хоть и подвергался неким воспитательным нападкам, но это не мешало мне оставаться постоянным участником подобных выездов. Шеф же не увлекался ни тем, ни другим — зато его, авантюриста по натуре, несложно было уговорить «осчастливить нас своим присутствием» на всяких сомнительных мероприя­тиях...

Между тем, «торпéда» нарезала замысловатые петли по пыльным проселкам, однако «прикормленный» пруд так и не являлся, подобно легендарному граду Китежу. Похоже, Мандрович с Журавлем плутанули...

Темнело... И по мере того как улетучивался бензин из бака «тройки», исчезало счастливо-лучезарное настроение нашего грозного Шефа. Сопел он уже чуть ли не громче глушителя, все больше накалялся и, наконец, взорвался:

— Где он, этот Скотланд-Ярд хренов?

— «Скотный двор», Владиваныч! — поправил Мандрович.

— А мне — один хрен! Вот четырех скотов я и запрягу! Бензин кончится — назад толкать будете!.. А я-то, старый баран, доверился таким ослам!.. Чтoб я еще с вами связался...

— Скрупулезно подмечено, Владим Иваныч! — съязвил я.

— Чтo-o? Увольо! Всех увольо! Без отработки!.. — гневно орал Шеф. Боялись мы его, разумеется, как рыба дождика, однако хорошего действительно было мало...

Уже в полной темноте фары выхватили какие-то строения, метелки камыша, и впереди заблестела вода.

— Распрягай — приехали! Приехали, Владиваныч! — обрадовался Мандрович. (Одному ему, да, пожалуй, еще Господу Богу было известно, тот ли это вообще пруд!)

— Ладно, экзекуция откладывается... пока!.. — многообещающе успокоил Шеф. — Наливай!

Шеф возился в машине, я занялся костром, а пьяный (от радости?) Мандрович, вместе с Журавлем и Чарнотой пошли ставить донки — да, видать, перестарались...

Костер еще не разгорелся, не успели мы еще как следует закусить — как зазвонил колокольчик на донке. Мандрович кинулся было к воде, споткнулся, покати­лся с обрыва, шлепнулся в грязь — однако ухватил леску и подсек! Но на другом конце лески уперлись и поволокли рыбачка в воду.

— Мужики! На помощь!.. Я не вытащу один! — закричал враз протрезвевший Мандрович.

Четыре бугая взревели и один за другим, спотыкаясь и падая, ввалились в береговую грязь.

— Катушку, катушку держи!.. Отпускай!.. Леску отпускай!.. Не дергай так — оборвет! Отпускай! — орал Мандрович на Шефа, заклинившего в своих «клевнях» катушку донки. — Плав­но крути, Владиваныч!.. Мужики, тyani Шефа к берегу!

На другом конце леса тяжеленная туша упиралась и не желала выбираться из глубины, однако вскоре поддалась усилиям нашей команды, и вода заплескалась и забури­ла в темноте.

— Ага! На поверхность вышла! Теперь не уйдет! Выбирай, выбирай!..

По поверхности рыба­ина пошла легче, но у самого берега снова за­кочевряжи­лась — видать, потянула в глубину.

— Крути! Не отпускай!.. Не давай сла­бину — сорвется! — хрипел Мандрович, кидаясь в воду с невесть от­куда взявшимся подсаком.

Бедный Мандрович!

Из черной воды, отливающей багровыми сполохами в пляшущем свете разгорающегося костра, на него прыгнул черный, с жуткими горящими глазами, здоровенный лохматый... пес! И если бы не подсак в руках нашего рыбака и не леска в пасти хрипящего от ужаса и боли пса — тот бы наверняка его съел!

Остолбенело смотрели мы, как эта жуткая «добыча» мечется кругами на привязи по берегу, тщетно пытаясь освободиться от неведомой безжалостной силы, причиняющей ей такую нестерпимую боль. Наконец капроновая миллиметровая струна зацепилась за пылающие поленья, вспыхнула, и наш «улов» растворился в ночной степи, жалобно скуля...

А бедный Мандрович стоял по пояс в воде с подсакком в руке и туго соображал: уж не сбрендил ли он часом?

Первым пришел в себя Шеф, как самый трезвый:

— Эй, Щукарь! Ты что, тоже наживку заглотил?! Иди уху готовь... из язя! Или его есть нельзя?

— Ха-ха-ха! Го-го-го! — грохнули мы разом, и Мандрович, наконец, очухался и заржал вместе со всеми.

— Ну, ты даешь, Щукарь! Классного сторожа ты прикормил!.. Ты на что его взял: на жмых, на живца?

— На сало! Га-га-га!

— Жеребцы! Ничо вы не понимаете! — пытался защищаться виновник торжества. — Тут, видать, усынок узкий, а на той стороне летний лагерь для скота!

— «Скотланд-Ярд»!.. Ха-ха-ха!

— Да кобель-то наверняка оттуда: кто-то же из вас наживку на другой берег перебросил, а он ее и заглотил!

— А ты его и поймал!.. Щукарь!

Мандрович хохотал вместе с нами, не ведая, что после этой рыбалки с легкой, хоть на вид и тяжелой, руки нашего Шефа за ним прочно закрепится легендарная шолоховская кличка.

В принципе, на этом можно было бы и закончить — но рыбалка-то ведь только начиналась. Впереди была еще утренняя зорька, которую все мы с удовольствием... проспали по вполне понятным причинам, то бишь — последствиям!

Все, за исключением нашего несгибаемого Шефа: он-то встал затемно — а может, еще и не ложился. По крайней мере, я этого не помню, потому что не просыпался — до весьма неожиданного момента. Кто-то бесцеремонно стаскивал с меня плащ-накидку, в которую я, судя по всему, ухитрился завернуться накануне.

— Ну, уж нет! Хватит с меня вчерашней вашей рыбалки!.. Щас кому-то ка-ак врежу!..

Но пришлось взять свои слова обратно... Громадный буланый бык глубокомысленно жевал угол моего прорезиненного покрывала и, похоже, не менее был удивлен моим появлением, чем я — его!

— Ах ты, скотина! — задохнулся от возмущения я. — Мало того что разбудил меня самым наглым образом, так он еще и завтракает моим старым, добрым, любимым лейтенантским макинтошем, который мне дорог как память о службе... А ну, пошел отсюда! Тпруси! — заорал я и хлестанул быка по тупо-изумленной морде свободным концом плащ-накидки.

Это был опрометчивый поступок, как тут же выяснилось. А вот раскаиваться в нем пришлось довольно долго, спасаясь вплавь от разъяренного буйвола...

Усынок в этом месте, действительно, оказался не только узким, но и мелким, и мне пришлось поднапрячься и вспомнить все детские навыки игры в «руля» на воде, прежде чем я выбрался на глубину и оказался на безопасном расстоянии. А мой новый приятель месил широченными копытами грязь на берегу и даже ухом

не вел на остальных моих друзей, которые весело ржали на почтительном расстоянии.

Когда пастухи, наконец, отогнали своего бешеного «буланчика», сон мой, разумеется, окончательно улетучился.

Какими эпитетами награждали меня мои друзья, пока «снимался стресс», я из скромности и по праву рассказчика умолчу. Скажу только, что все прозвища, которыми они меня наградили, не прижились, за исключением одного — «Тореро». Я с ним примирился, и остается только улыбнуться.

Но тогда, если честно, мне было не до смеха. Как, впрочем, скоро стало ясно и всем остальным. Дело заключалось в том, что наш «правильный» Шеф, со своими сумскими понятиями, считал, что рыбалка — само собой, а пьянка — само собой, и одно другому не мешает, но раз уж тебе сегодня за руль, то будь добр: сиди «сухим» у воды и пялься на поплавок! Чем он добросовестно и занимался все утро, а мы ему, естественно, не мешали.

Но сейчас он вдруг с остервенением закрутил катушку одной из донок... Неужели вчерашняя ситуация повторилась? Но...

Вода забурлила у берега, и в бурне показался громадный плавник.

Пока Журавель шипел сквозь зубы: «Подсак! Подсак!»; пока Мандрович бежал к машине за подсакон, Чарнота в чем был: в майке, джинсах и вельветовых туфлях рыбкой нырнул в воду, накрыл «чуду-юду» и схватил ее за жабры. И при этом, по-моему, даже сигарету изо рта не выплюнул! Шеф выронил катушку, ухватил ныряльщика за ногу и выволок на берег, подальше от воды.

Вот это был улов! Метровый, с хорошего поросенка, сазан прыгал по траве не хуже вчерашнего кобеля! Сияющий Шеф на радостях отпустил нам все прежние грехи, только «обмыть» отказался. Зато поесть он был не дурак.

Воодушевленные таким примером, все кинулись налаживать снасти. Мандрович, с одной стороны, гордый за «организацию», а с другой — уязвленный в самое рыбацкое сердце успехом другого и памятуя о вчерашнем конфузе, решил лучше тонуть в этой проклятой луже, но реабилитироваться в качестве «профи».

— Шур, ты не видел пакета с опарышем? — озабоченно поинтересовался он, роая в рюкзаке.

На свет божий извлекались: жмых, мотыль, дождевые и навозные черви, тесто с анисовыми каплями и еще куча всевозможной наживки.

— Какой пакет? — насторожился Шеф. — Я там брал ночью два каких-то пакета: один с семечками, другой, я так понял, с мякушками; ссыпал их в карман, и — то семечко, то мякушку — склевал их за утро... — замер на полуслове Шеф и принялся выворачивать карманы...

На брезент высыпались остатки семечек и пара полураздавленных опарышей.

Все остальное время Шеф кормил рыбу то съеденными подсолнечными семечками, то «мякушками»...

Долго, еще месяца полтора, до самого шефовского отпуска, в отделе свирепствовал «красный террор», и мы ходили по струнке. А в курилках над нами ржали «скотобазные» жеребцы. Зато теперь нашу группу захвата на заводе зовут «Скотланд-Ярд», и у нас есть свой Щукарь. А мы и не в обиде: была же в Мценске своя леди Макбет, а мы — чем хуже?

